

Т. И. АдулоИнститут философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь**СВОЕОБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ПОСТИЖЕНИЮ СОЦИАЛЬНОСТИ:
НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ПИТИРИМ СОРОКИН**

В статье осуществлен сравнительный анализ трактовки социальности и способов ее рефлексии известными русскими мыслителями Н. А. Бердяевым и П. А. Сорокиным. Показано, что теоретические разработки П. А. Сорокина, особенно первого периода его творческой деятельности, обладают более весомым когнитивным потенциалом, нежели разработки Н. А. Бердяева. Это подтверждается содержанием его фундаментальных исследований «Система социологии», «Социальная мобильность» и «Современные социологические теории», в которых глубоко раскрыты методы и принципы познания различных сфер социума. Преимущество публикаций П. А. Сорокина видится в их логической аргументированности, системности и опоре на серьезную эмпирическую базу. Разработки Н. А. Бердяева, напротив, характеризуются абстрактностью и некоторым отсутствием системности. П. А. Сорокин признан крупнейшим социологом XX века, критиком чувственной культуры и открытым борцом с истеблишментом, Н. А. Бердяев – выдающимся философом, разработчиком и активным защитником идеи «абсолютной свободы», неутомимым критиком советской политической системы.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, человеческая история, общественный процесс, социальность, философия, социология

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**ORIGINALITY OF APPROACHES TO COMPREHENSION OF SOCIALITY:
NIKOLAI BERYAEV AND PITIRIM SOROKIN**

The article presents a comparative analysis of interpretation of sociality and methods of its reflection by famous Russian thinkers N. A. Berdyaev and P. A. Sorokin. It was showed that theoretical developments of P. A. Sorokin, especially the first period of his creative activity, have more significant cognitive potential rather than N. A. Berdyaev's developments. This is confirmed by the content of his fundamental researches "System of sociology", "Social mobility", and "Modern sociological theories", where methods and principles of cognition of different spheres of society are deeply disclosed. The advantage of P. A. Sorokin's publications is in their logical argumentation and reliance on serious empirical base. N. A. Berdyaev's developments are characterized, on the contrary, by abstractness

and lack of consistency. P. A. Sorokin is recognized as a major sociologist of the 20th century, critic of sensual culture, and open fighter with the establishment. N. A. Berdyaev is recognized as an outstanding philosopher, developer, and active defender of the idea of “absolute freedom”, tireless critic of the Soviet political system.

Keywords: *N. A. Berdyaev, P. A. Sorokin, human history, social process, sociality, philosophy, sociology*

Социальность как феномен в последнее время привлекает пристальное внимание философов и социологов. Отчасти это связано с динамичными общественными процессами, характеризующими нашу эпоху. Для уяснения сущности современной социальности необходимо прежде всего теоретическое осмысление ее онтологических оснований. Именно этим в большей степени занимаются социологи. Наряду с изучением онтологии современной социальности не менее актуальной задачей является исследование онтологических оснований социальности других исторических эпох, а также различных способов ее рефлексии в конкретные периоды человеческой истории. Данной теме были посвящены отдельные мои публикации [1–3]. Продолжая работу в этом направлении, в представленной статье остановлюсь на одном из важнейших этапов человеческой истории – начале XX века. Именно тогда наиболее рельефно отразились взаимосвязь и взаимовлияние социальной теории, пытавшейся дойти до постижения глубинных оснований социального бытия, и социальной практики, направленной на его преобразование.

Та эпоха породила в Европе и России немало крупных социальных теоретиков и социальных практиков – революционеров, стремившихся провести свои идеи в жизнь. Наряду с другими исследователями весомый вклад в разработку социальной теории внес русско-американский мыслитель Питирим Александрович Сорокин (1889–1968). В его теоретической и практической деятельности нашла отражение драматичная жизнь русского общества первой четверти XX в. и жизнь мирового сообщества первой половины того же века. Не менее активную жизненную позицию в первой половине XX в. занимал и другой русский мыслитель – Николай Александрович Бердяев (1874–1948). На 2019 год припали юбилеи этих мыслителей – 130-летие со дня рождения П. А. Сорокина и 145-летие со дня рождения Н. А. Бердяева. А в 2020 г. исполняется ровно 100 лет со дня выхода из печати двухтомника Питирима Сорокина «Система социологии» – работы, в которой социология впервые в России представлена в виде самостоятельной научной дисциплины.

Поле исследовательской деятельности обоих мыслителей чрезмерно широко. В одной статье его не охватить. Поэтому остановлюсь только на социальной проблематике, учитывая то, что их она чрезмерно интересовала. Питирим Сорокин – один из крупнейших социологов XX века, на протяжении 30 лет был деканом социологического факультета Гарвардского университета, воспитал не одно поколение американских социологов, в их числе оказался

Р.-К. Мертон. Н. А. Бердяев на протяжении всей своей жизни утверждал принцип свободы личности – не только пытался создать социальную модель, позволяющую ее обеспечить в максимальной степени, но и приложил немало усилий для всесторонней критики тоталитарных политических режимов, что, собственно, и определяло огромный интерес читателей к его публикациям.

Если социально-философскую проблематику ограничить общественными процессами, политическими системами и социальными институтами, то научную деятельность Н. А. Бердяева в этой области можно свести в основном к развернутой критике социалистической революции и советского политического строя. В своих работах «О русской революции», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Философия неравенства» и многих других мыслитель представил взору читателя исключительно негативную панорамную картину реализуемого в СССР социалистического проекта, считал его антигуманным по своей сущности и пагубным для России по своим последствиям. «Только в России, – утверждал он, – могла произойти коммунистическая революция. Русский коммунизм должен представляться людям Запада коммунизмом азиатским. И вряд ли такого рода коммунистическая революция возможна в странах Западной Европы, там, конечно, все будет по-иному» [4, с. 94].

Н. А. Бердяев довольно резко осудил путь, которым большевики добились власти. По мнению философа, они «пришли к господству в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами. Это определилось не только тем, что они не принадлежали к тому слою, в котором работалась культурная форма и манеры, более соответствующие понятию о прекрасном, но и тем, что у них было много ненависти, мстительности, *ressentiment*, которые всегда уродливы, у них не было еще никакого стиля, не произошло еще оформления» [4, с. 112]. Это отчасти связано, по мысли русского исследователя, с «узостью» мировоззрения и «аскетичностью» мысли В. И. Ленина – вдохновителя и организатора данного социального проекта [4, с. 96–97], а также с безграмотностью и чуждостью «традициям русской культуры» людей, пришедших снизу и возглавивших государство [4, с. 101–102]. Как представлялось Н. А. Бердяеву, послеоктябрьская Россия не реализовала тех гуманных идеалов, которые вынашивала когда-то русская интеллигенция, а главное, не создала условий для свободного развития личности.

Тем не менее мыслитель вынужден был все-таки признать неизбежность социалистической революции в России и закономерность победы большевиков, хотя его аргументация выглядит неубедительной, а, лучше сказать, чисто субъективной [4, с. 93]. Несмотря на всю свою нелюбовь к советской власти, запятнавшей себя, якобы, «жестокостью и бесчеловечием», он вынужден был признать тот бесспорный факт, что «в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей» [4, с. 120].

Советской политической системе, изображенной им в виде самой жестокой, циничной и бесчеловечной в мире, Н. А. Бердяев противопоставлял не западное общество, а свое собственное представление об идеальном социуме. Сама жизнь вынуждала его прийти к такому заключению. «И на Западе, – сетовал Николай Александрович, – гуманизм исчерпал, изжил себя, пришел к кризису, из которого мучительно ищет западное человечество выхода» [5, с. 31–32]. И далее конкретизировал: «Когда уравнительная тирания оскорбляет мое понимание достоинства личности, мою любовь к свободе и творчеству, я восстаю против нее и готов в крайней форме выразить свое восстание. Но когда защитники социального неравенства бесстыдно защищают свои привилегии, когда капитализм угнетает трудящиеся массы, превращая человека в вещь, я также восстаю» [6]. Однако Н. А. Бердяев не дал (скорее всего, не стремился к этому и к тому же не обладал соответствующей требованиям той эпохи методологической базой рефлексии социальности) системной картины пороков западной системы, не дошел до понимания ее онтологических оснований, как это впоследствии сделал русский эмигрант А. А. Зиновьев [7].

Питирим Сорокин тоже весьма критично отнесся к Октябрьской революции и большевикам. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с его публикациями 1917 года. Более того, социолог вошел в Союз возрождения России, который ставил задачу свержения политической власти большевиков. Однако, обосновавшись в США, П. А. Сорокин, в отличие от Н. А. Бердяева, отошел от российских проблем и занялся разработкой теории социологии, реализацией масштабного научного проекта «Социальная и культурная динамика», активной преподавательской деятельностью. Не увлекался критикой советской системы, возможно, потому, что еще в молодости слишком много своей энергии растратил на осуждение теории и практики большевиков, а может быть, в силу того, что он как ученый стал более основательно изучать социальность со всеми ее историческими коллизиями и более взвешенно подходить к оценке ее отдельных фаз.

Остановлюсь детальнее на теоретических разработках обоих мыслителей. Прежде всего заслуживают внимания методологические основания постижения бытия, используемые Н. А. Бердяевым, и их сравнительный анализ с методологическими установками П. А. Сорокина.

Исходные принципы постижения бытия Н. А. Бердяев выразил следующим образом: «...главное – самопознание, познание собственного духа и духовных исканий. Меня интересует не столько характеристика среды, сколько характеристика моих реакций на среду» [8, с. 11]. И далее он уточняет свою мысль: «Обращаясь к самопознанию, которое есть одно из главных источников философского познания, я открываю в себе изначальное, исходное: противление мировой данности, неприятие всякой объектности, как рабства человека, противоположение свободы духа необходимости мира, насилию и конформизму» [6]. Таким образом, для творчества Николая Александровича в большей

мере характерна рефлексия. Под ней обычно понимают «форму теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека» [9, с. 445].

Питирим Сорокин идет иным путем. В отличие от Н. А. Бердяева, за отправную точку постижения бытия он берет не субъект, а объект – считает необходимым познать прежде всего саму объективную природу, внешний мир. В качестве ключевой дисциплины, способной постичь сущность общества и общественных процессов, Питирим Александрович называет социологию, хотя и не идеализирует теоретическое состояние данной дисциплины. На страницах двухтомника «Система социологии», опубликованного сто лет тому назад, он сетовал: «Что только теперь не называется социологией! Самые нелепые конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недоношенное сплошь и рядом выпускается на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю» [10, с. VIII]. Попутно отмечу схожесть в какой-то степени той ситуации с ситуацией, складывающейся с современной философской дисциплиной под названием «социальная философия», созданной в эпоху формирования «нового мышления», то есть на заре «перестройки».

П. А. Сорокин выдвигает в качестве основной задачу упрочения социологии как научной дисциплины, то есть обосновывает актуальность преодоления присущих ей недостатков. Что нужно для этого? «Единственный судья здесь, – считает он, – опыт и наблюдение» [10, с. VIII]. Детализируя это принципиальное требование, ученый обращает внимание, во-первых, на необходимость выстраивания социологии по типу естественных наук: «...ни о каком противополжении “наук о природе” и “наук о культуре” не может быть и речи» [10, с. IX]; «во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть... в-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной – объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в том специальном значении этого термина» [10, с. X]; в-четвертых, социологии следует освободиться от «субъективного психологизма», она «должна постепенно превратиться из науки о “психических реальностях” в объективную дисциплину, изучающую явления “предметного” характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие» [10, с. XI]; и, наконец, социология должна прекратить «философствование», «она должна исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов. С этой точки зрения в социологии не место философствованию, в смысле умозрения» [10, с. XI]. «Система социологии» задумывалась автором в восьми томах, из них были изданы в 1920 г. лишь два первых тома. Тем не менее в этих двух томах отражены в системном виде выработанные автором базовые методологические установки, которыми должны руководствоваться ученые

в процессе исследования социальности, ведь *«социология не есть складочный подвал, куда сваливаются самые разнородные проблемы, “за ненадобностью” не нашедшие себе места в других дисциплинах, а наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания, и вполне определенное строение, обуславливаемое ее природой»* [10, с. XI].

Безусловно, наряду с исследованием объекта, П. А. Сорокин признает важность исследования и субъекта, но не абстрактного, а конкретного, познающего окружающий мир. Именно поэтому для ученого на первый план выступают вопросы, связанные с процедурой и методами постижения окружающего мира.

По-разному трактуют русские мыслители и сам познавательный процесс. Согласно Н. А. Бердяеву, *«философское познание есть духовный акт, в котором действует не только интеллект, но и совокупность духовных сил человека, его эмоциональное и воющее существо... И потому в познание неизбежно приводит вера»* [11, с. 33]. П. А. Сорокин, наоборот, исключает веру из познавательного процесса, является противником вненаучного познания (правда, в более поздний период своего творчества отказывается от данного умозаключения).

Определенный научный интерес представляет сравнительный анализ трактовок обоими учеными дисциплин, в рамках которых они проводили исследование социальности.

Н. А. Бердяев анализирует социальность в рамках философии. Но для него характерна своеобразная трактовка философии как дисциплины. В работе *«Я и мир объектов»* имеется специальный раздел, посвященный этой теме. Уже само его название – *«Трагедия философа и задачи философии»* – говорит само за себя: не только философ, но и сама философия представлены автором в пессимистическом ключе. *«Философия, – отмечает Николай Александрович, – есть самая незащищенная сторона культуры. Постоянно подвергается сомнению самая возможность философии, и каждый философ принужден начинать свое дело с защиты философии и оправдания ее возможности и плодотворности»* [11, с. 25].

Отметим также сугубо негативное отношение Н. А. Бердяева к философам-материалистам. Это касается не только К. Маркса и Ф. Энгельса. В частности, он считал, что и французская просветительная философия XVIII в. *«не дала ни одного великого философа»* [11, с. 25]. Н. А. Бердяев ставит в вину философам данного направления то, что они *«иногда опускались до грубого эмпиризма и материализма, но настоящему философу свойствен вкус к потустороннему, к трансцендированию за пределы мира»* [11, с. 29]. В итоге мыслитель приходит к выводу о том, что *«философия всегда, в сущности, питалась от религиозного источника»* [11, с. 29]. Правда, это заключение противоречит другому выводу автора, сделанному в этой же работе чуть ранее, согласно которому *«первое и самое сильное нападение философии пришлось выдержать со стороны религии, и это не прекращается и до сих пор... Именно*

столкновение философии и религии и создает трагедию философа» [11, с. 25–26]. Н. А. Бердяев высказывает и такое весьма спорное мнение: «“Научная” философия есть философия лишенных философского дара и призвания. Она и выдумана для тех, кому философски нечего сказать» [11, с. 33].

В творчестве Питирима Сорокина критическое отношение к философии выражено еще сильнее. Ученый вообще усомнился в ее познавательном потенциале и отдал предпочтение социологии. Несмотря на определенные трудности процесса становления, считал он, социология характеризуется позитивной в целом динамикой, и именно поэтому ей принадлежит будущее в осмыслении социума. Это единственная дисциплина, которая позволяет исследователю постигать сущность социального бытия.

Таким образом, П. А. Сорокин стремился создать строгую науку об обществе и многого в этом плане достиг, Н. А. Бердяев же, наоборот, усомнился в существовании научной философии, то есть дисциплины, позволяющей познавать социальные процессы, а социология была ему чужда.

Ничуть не удивительно поэтому, что русскими мыслителями совершенно по-разному трактуются не только науки, исследующие социальность, но и истина. Н. А. Бердяев как бы ратует за истину – во всяком случае, критически ставится к тем исследователям, которые к ней равнодушны, и в этом плане его отношение к истине заслуживает позитивной оценки. Вопрос заключается, однако, не только в признании истины. Главное состоит в ее трактовке, в понимании ее сущности. Но именно здесь и возникает проблемная ситуация. Исследователь категорически не согласен с теми философами, которые придерживаются старой, консервативной, по его оценке, точки зрения, ратуют за «объективный критерий истины». В таком случае, заключает философ, «истина почти отождествляется с объективностью». Он считает, что «старое, статическое, объективированное понимание истины ложно», и в противовес данной точке зрения предлагает принять за истину Бога, ибо «истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, объективного бытия, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта» [12, с. 206].

С такой трактовкой истины вряд ли мог согласиться П. А. Сорокин. Он не примкнул к новым веяниям в области гносеологии и придерживался именно «старых» взглядов в этом вопросе. Истину он стремился получить не в лоне божественного откровения, а путем применения как уже апробированных, так и разрабатываемых им самим новых методов постижения социума – эмпирических и теоретических. Критерием истины мыслитель считал практику. Сорокин не является первооткрывателем данного положения. Многие философы задолго до него пришли к тому убеждению, что критерий истины преимущественно надо искать вне разума – истинность продукта мыслительной деятельности человека проверяется главным образом в результате практической деятельности, то есть человеческое мышление обладает «предметной

истинностью» [13, с. 1]. У Н. А. Бердяева же истина предстает в виде психологического состояния личности, не более. Попутно отметим, что разум в какой-то степени способен выступать в качестве критерия истинности тех или иных умозаключений, поэтому нельзя исключать логический критерий истины. Еще Аристотель выработал соответствующий инструмент проверки истинности умозаключений в виде силлогизма. Но при этом надо иметь в виду то обстоятельство, что истоком мышления и его продуктов служит объект, а «логический критерий истины является производным от практического» [14, с. 227]. Как отмечает известный российский философ А. Г. Спиркин, «посредством реализации идеи в практическом действии знание соизмеряется, сопоставляется со своим объектом, выявляя тем самым настоящую меру объективности, истинности своего содержания» [15, с. 429].

Естественно, возникает вопрос: зачем в таком случае нужна человеку философия, если она не дает ему знания об окружающем мире? На этот закономерно возникший вопрос Н. А. Бердяев отвечает так: «Философия не есть наука, не есть даже наука о сущностях, а есть творческое осознание духом смысла человеческого существования» [11, с. 34]. Таким образом, философия сводится им к дисциплине, предназначенной для осознания человеком смысла своего внутреннего существования, не более того. Но в таком случае упреки, направленные в адрес философии, против которых возражал Н. А. Бердяев, представляя их необоснованными [11 с. 25], являются вполне правомерными. Если философы занимаются осмыслением лишь каких-то своих внутренних интенций, то какова от нее (философии) польза естествоиспытателям, политикам? Именно отсюда вытекает их нелицеприятное отношение к философам и философии. Неаргументированным выглядит и следующий тезис исследователя, согласно которому «в познании действуют три начала: сам человек, Бог и природа» [11, с. 36].

П. А. Сорокин же, как уже было сказано, в отличие от Н. А. Бердяева, утверждает свою дисциплину – социологию – в качестве *научной* дисциплины. Он стремится выстроить ее на надежном онтологическом основании, исключить из нее какое-либо философствование в виде абстрактно-философского дискурса и тем более какое-либо участие Бога.

Одной из ключевых философских проблем социума является трактовка человеческой истории. Н. А. Бердяев заявляет: «Я всегда имел особенный интерес к проблемам философии истории. Меня даже часто называют историософом» [8, с. 305]. Как же он ее трактует? Приведу лишь отдельные высказывания русского мыслителя. «В истории, – указывает он, – все не удастся и вместе с тем история имеет смысл. Но смысл истории лежит за ее пределами и предполагает ее конец. История имеет смысл потому, что она кончится. История, не имеющая конца, была бы бессмысленна. Бесконечный прогресс бессмыслен» [8, с. 305]. Что в практическом плане, скажем, в плане той же гуманизации общества, о которой так, казалось бы, заботился мыслитель, можно взять из этих его теоретических рассуждений? Ровным счетом ничего. Но самое

интересное заключается в том, что Н. А. Бердяев, только что заявивший о «конце истории» буквально на следующих страницах попытался самого себя опровергнуть и теоретически «обосновать» противоположный тезис о существовании истории. Он утверждает: «Мир сейчас влечется к гибели, таков закон этого мира, но это не означает фатальной гибели человека и подлинно Божьего мира, для которого всегда остается путь свободы и благодати... Но Царство Божье придет и от человеческой свободы, от творческой активности человека» [8, с. 309–310]. В этом, собственно, нет чего-то удивительного, поскольку философ не один раз давал самому себе такую оценку: «Я мыслю и пишу афористически и стараюсь находить формулировки для своих интуиций. Мысль моя не дискурсивна и в ней нет дискурсивной связи» [8, с. 211].

Н. А. Бердяев в начале своего творческого пути высказывал мнение, что в результате революции человек сможет в полной мере реализовать свободу как величайшую ценность. Но при этом он не раскрывал онтологические основания свободы, не анализировал социальность как таковую. П. А. Сорокин же, отстаивая революцию, прежде всего стремился уяснить сущность социальности, понять человеческое общество как таковое. Он считал, что именно социология является той ключевой научной дисциплиной, которая позволяет дать позитивный ответ на этот и схожие вопросы. Ведь «социология – это наука об обществе и закономерности, проявляющейся в общественных явлениях» [16, с. 27]. Следовательно, ее цель и задачи должны выстраиваться на научной основе. Причем, главной задачей социологии является создание теоретико-методологической базы для понимания сущности негативов, характерных для российской действительности, с целью их дальнейшего устранения. Эти отрицательные стороны социального бытия мыслитель отчасти выявлял и описывал в своем первом фундаментальном исследовании «Преступление и кара, подвиг и награда» [17].

Не со всеми базовыми положениями трактовки П. А. Сорокиным общества можно согласиться. Так, в его работах явно ощущается чрезмерная психологизация общественных явлений. Мыслитель пришел к следующему, достаточно спорному, на наш взгляд, заключению: «Выражаясь кантовским языком, можно было бы сказать, что психическое есть априорная посылка социальных явлений» [16, с. 41]. Такое заключение вполне объяснимо, поскольку социолог являлся учеником М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти. Впрочем, в те годы идеей «психологизации» были охвачены и другие научные школы. Например, в Петербурге сформировалась психологическая школа права Л. И. Петражицкого. В том же методологическом направлении пытался в дальнейшем работать, уже живя в Париже, ученик Л. И. Петражицкого Г. Д. Гурвич.

И еще одно важное обстоятельство, позволяющее более рельефно показать несхожесть мировоззренческих позиций обоих мыслителей. Н. А. Бердяев, отойдя от идей К. Маркса, связал свою дальнейшую теоретическую деятельность с религиозной философией. Но могла ли религиозная философия

стать теоретической базой преобразования России? Как показала практика, она не могла стать таковой. Это было очевидно еще в 1860-е годы. Российский исследователь В. В. Сапов отмечает, что после отмены в 1861 г. крепостного права и вступления России в эпоху не особо активных, вынужденных социальных преобразований «необходимость осмысленной социальной политики постепенно стала если не осознаваться, то по крайней мере ощущаться всеми» [18, с. 10]. Какая дисциплина способна была выполнять эту задачу? Безусловно, не богословие, а получившие развитие в XIX в. философия истории и социология. Философским осмыслением исторического процесса занимались в России революционные демократы (А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов и др.), революционные народники (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев и др.), марксисты (В. Г. Плеханов, В. И. Ленин и др.). Вполне понятно, что выводы представителей этих течений о неизбежности перехода России к новому типу общественного устройства не удовлетворяли российское правительство, и оно не могло опереться ни на революционных демократов, ни на революционных народников, ни тем более на марксистов, обосновывающих идею социалистической революции. Но требованиям новой исторической эпохи уже не отвечала идеология официальной народности, которая являлась в XIX в. официальной идеологией Российской империи. На Западе в это время наряду с марксистской философией активно развивалась социология, основоположниками французской школы которой были О. Конт и Э. Дюркгейм. Постепенно, с большим опозданием социологическая наука пришла и в Россию. Царское правительство отнеслось к ней не столь воинственно, как к революционно-демократической и марксистской философии, но все-таки весьма настороженно. Только в 1907 г. была открыта в России первая кафедра социологии, причем в уникальном научно-исследовательском и высшем учебном заведении, созданном на частные пожертвования, – Психоневрологическом институте. Курс лекций по социологии читался уже на первом курсе Основного факультета. Здесь к постижению сущности социальных процессов и приобщился Питирим Сорокин.

К социологии с недоверием отнеслись не только государственные структуры, но и представители русской религиозной философии, расценив ее как позитивистское течение. Понятно, что Н. А. Бердяев и П. А. Сорокин еще в начале своего творческого пути оказались разделенными мировоззренческой барьерной стеной. Первый из них ищет светлое будущее России в религиозном мире, второй – выстраивает ее будущее на базе эмпирического материала. Достаточно ознакомиться с программой читаемого П. Сорокиным в Петроградском университете курса по социологии, чтобы убедиться в стремлении мыслителя на научной основе заниматься преобразованием общества. В качестве основных разделов преподаваемого курса были заложены «социальная аналитика», «социальная механика» и «социальная генетика», освоение которых и давало обучающимся системное видение социальности в ее исторической

динамике [16, с. 531–535]. «Социология, – заключает П. А. Сорокин, – не есть пустой ярлык для обозначения совокупности наук, не является она и специальной дисциплиной, подобно другим, отмежевываям себе маленький угол общественных явлений для возделывания, а представляет самостоятельную науку, не слившуюся с существующими специальными дисциплинами, науку, изучающую наиболее общие – родовые – свойства общественных явлений, не изучаемые первыми» [16, с. 32]. Социология в силу отмеченного должна стать фундаментом для специальных общественных наук – к такому выводу пришел русский ученый. И свои творческие разработки Питирим Сорокин выстраивал не как кабинетный исследователь, руководствующийся абстрактными установками, ориентированными на достижение абсолютной свободы личности, а как естествоиспытатель, строго опираясь на достоверные факты. И о социализме, и о капитализме он судил лишь на основе изучения фактов. Живя в США, русский мыслитель продолжил работу в области теоретической и эмпирической социологии, начатую еще в России. На базе эмпирического материала он сумел показать отрицательные стороны капитализма. Увидел, опять же путем системного изучения фактов, негативы и советской социалистической системы. Но в отличие от коллеги не сводил свою критику к голому отрицанию сущего, вернее, его критика не сводилась к требованию уничтожения сущего. Он пытался отыскать позитивные стороны как капиталистической, так и социалистической систем, предложить обществу новую модель социума, сочетающую положительные стороны капитализма и социализма, – такую модель, которая позволяла бы избежать тех негативов, которые были присущи и капитализму, и социализму. Фактически он предвосхитил Дж.-К. Гэлбрейта, который, как известно, в поздний период своей научной деятельности обосновывал социальную идею конвергенции. Именно за объективность, за беспристрастность не очень-то жаловали выходца из России официальные лица США, хотя он в течение 30 лет был деканом социологического факультета Гарвардского университета, считался хорошим организатором и прекрасным лектором.

По-разному видели Н. А. Бердяев и П. А. Сорокин будущее России. Первый, живя в Париже и внимательно отслеживая происходившие в СССР события, сделал ставку на максимальное выявление и убедительную, как ему казалось, критику отрицательных сторон советского политического строя. Тем самым он способствовал утверждению в сознании мирового сообщества сугубо негативной картины советской системы и фактически создавал предпосылки для очередной русской социальной революции. Второй же еще в октябре 1918 г. публично отказался от членства в Учредительном собрании, заявил о выходе из состава партии социалистов-революционеров (эсеров), то есть отстранился от какой-либо политической деятельности, и решил заняться в дальнейшем только научной работой [19, с. 330]. Судя по всему, социолог, постоянно сверявший свои теоретические рассуждения с фактами, убедился в том,

что в ближайшие годы не представится возможности отобрать власть у большевиков не только эсерам, но и какой-либо другой политической партии. К этому шагу его, страстного революционера, безусловно, подтолкнули и события, связанные с неудачной попыткой захвата власти Союзом возрождения России, членом которого он состоял, наконец, вынесенный ему великоустюжской чрезвычайной комиссией смертный приговор, который не был приведен в исполнение лишь в силу стечения различных обстоятельств, в том числе благодаря его личному публичному раскаянию.

В дальнейшем на основе системного анализа экономических, демографических, образовательных и культурных факторов П. А. Сорокин пришел к заключению о губительности для общества всяких революций, ибо они ведут его не к прогрессу, а к регрессу. Так было в эпоху Петра I, так случилось в России в 1917 г. – «война и революция “славно поработали”... Опустошения громадны и частью непоправимы. Приобретения есть, но они невелики. Не будь войны и революции, Россия теперь была бы неузнаваема» [20, с. 488]. Между тем, полагает аналитик, такая ситуация типична для всех войн и революций. Одной из иллюзий, отмечает он, «было романтическое представление о революции – и желание ее прихода... Теперь я видел ее. Пять лет был я в ее вихре, пять лет внимательно смотрел в ее лицо... Увидев его, я стал изучать лица бывших “глубоких” революций. И понял: это лицо зверя, а не сверхчеловека. Антихриста, а не Бога, вампира, а не освободителя...» [20, с. 489].

В этом плане небезынтересно напутствие Питирима Сорокина студенчеству, высказанное им в выступлении в связи со 103-й годовщиной Петербургского университета. Симптоматично то, что отдельные советы социолога не потеряли своей актуальности для нынешней России, переживающей не лучшие времена. Напомним отдельные из них. В качестве базовых ориентиров для полноценного развития молодежи он определил такие: науку, ибо без нее «не выбраться на широкий путь истории»; «любовь и волю к производительному труду – тяжелому, упорному, умственному и физическому»; религиозное отношение к жизни – «*Homo homini deus (a ne lupus) est* – вот что должно служить нашим девизом»; внимательное отношение к прошлому – «заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда. Выполнение этой задачи означает восстановление, улучшение и сохранение нашего национального лица»; совесть и моральные богатства, иначе «смердяковщина и шигалевщина потопят вас», а для этого в спутники и руководители взять Нила Сорского, Сергия Радонежского, Толстого и Достоевского; наконец, здоровую семью [21, с. 409–413].

Как и Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин оставил после себя огромное количество опубликованных работ. На мой взгляд, они фундаментальнее работ его коллеги. Только один его четырехтомный труд «Социальная и культурная динамика» [22] дает представление о масштабности ученого. При этом, однако, следует отметить то, что, осваивая в 1930-е годы названную глобальную тему,

исследователь пересмотрел целый ряд своих базовых положений, которые он использовал ранее для осмысления теории исторического процесса, и отнюдь не в лучшую с научной точки зрения сторону. Предложенная ученым концепция человеческой истории в виде флуктуаций культуры – циклической смены трех ее типов (идеациональной, идеалистической и чувственной), оказалась более абстрактной, более спекулятивной, хотя и выстраивалась на большом массиве исторических фактов, а главное – более уязвимой с позиции диалектического мышления, хотя автор неоднократно заявлял о том, что «чистая логическая спекуляция в социальных науках бесплодна» [22, с. 27].

В контексте флуктуационного процесса П. А. Сорокин представил «систему истины и знания», согласно которой существуют истина веры, истина чувств и истина разума. Каждая из перечисленных форм истины последовательно проходит ряд фаз и неизбежно готовит «в ходе своего развития собственный упадок» [22, с. 354]. Выделенные автором формы последовательно сменяют друг друга, поэтому, «какой бы ни была будущая система истины, минувшее говорит нам, что эти системы в ходе времени действительно флуктуируют – с точки зрения их господства и возрастания-убывания их могущества» [22, с. 354]. Были и другие серьезные расхождения с положениями, изложенными ранее П. А. Сорокиным в двухтомнике «Система социологии». Автор, правда, не претендовал на абсолютную истину и сам высказывался о недостатках своего печатного труда. В предисловии к нему он указывал: «Вообще, чем значительнее проблемы и чем шире сфера исследования, тем больше вероятность ошибки» [22, с. 28]. Закончил свою научную карьеру выдающийся социолог в качестве основателя Гарвардского центра по изучению творческого альтруизма. Уже не социальная революция, как в молодости, а альтруистическая любовь была предложена им в качестве основного инструмента гуманизации общества.

Н. А. Бердяев, как и П. А. Сорокин, осмысливал пройденный путь. На склоне лет он рассуждал: «Мне, может быть, и позволили бы вернуться в Россию. Но что я мог бы там делать?» [8, с. 341]. Действительно, что мог делать в советской России возвратившийся эмигрант? Официальную философию – диалектический материализм – он решительно отвергал, поскольку всегда отстаивал свободу мысли. Советская власть, представлявшая, по его словам, «все возрастающий централизованный тоталитарный этатизм» [8, с. 347], была ему абсолютно чуждой. Происходившее в СССР в 1940-е годы «возрастание национального чувства» он тоже не приветствовал, поскольку «есть опасность национализма, которая есть измена русскому универсализму и русскому призванию в мире» [8, с. 347]. Даже более лояльное отношение государства к церкви его не удовлетворяло, ибо «в официальной церковности, в высшей церковной иерархии преобладает консервативное направление, желание вернуться к 16 и 17 веку. Христианство понимается исключительно как религия личного спасения для вечной жизни. Тема, поставленная русской религи-

озной мыслью о социальном и космическом преображении, о новой творческой эпохе в христианстве, отсутствует» [8, с. 347]. Таким образом, возвратившись в Россию, философ не мог бы стать ее реальным защитником, хотя и пытался бы ей помочь, защитить ее «перед миром, враждебным ей» [6, с. 348]. А ведь именно так, в качестве истинного защитника державы, представлял он свою миссию на Родине. История распорядилась иным образом – из теоретического наследия мыслителя были максимально использованы лишь его яркие, эмоциональные критические стрелы в адрес советской России. Закономерен вопрос: имелись ли в творческих разработках Н. А. Бердяева идеи, способные на самом деле помочь России?

Тем не менее оба мыслителя вернулись в Россию – не физически, а интеллектуально. До 1990-х годов в СССР о них гуманитарии знали и даже изредка писали, главным образом критически. Порой наблюдалась такая картина: молодые люди, особенно те из них, которые избрали в качестве своей профессиональной деятельности философскую стезю, зачитывались изданной в Париже работой Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», которая преодолела государственную границу, оказалась в СССР и была доступна, например, в научном зале Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве. Более широкой аудитории Н. А. Бердяев стал известен в 1990-е годы, когда утверждалась неолиберальная идеология и осуществлялось первоначальное накопление капитала. Идеи русского мыслителя импонировали политикам той эпохи прежде всего за критику советской системы и за отстаивание принципа свободы личности.

Питирим Сорокин возвратился на свою родину скромно, почти незаметно. Труды известного на Западе социолога не обходили вниманием советские обществоведы. В эпоху возрождения в СССР в 1960-е годы социологической науки молодые исследователи взяли многие базовые идеи именно из работ П. А. Сорокина. Во всяком случае, понятия «социальная динамика» и «социальная мобильность» в советскую социологию пришли оттуда.

Публикации обоих русских мыслителей оказали определенное влияние на общественное сознание и на политические процессы в СССР. Думается, критические работы Н. А. Бердяева, решительно вскрывавшие изъяны социальной практики в СССР, внесли определенную лепту в расшатывание его государственных институтов. Итоги разрушения СССР известны. Даже сейчас, по прошествии практически 30 лет с момента подписания Беловежских соглашений, 19 миллионов граждан России, как заявил об этом в своем послании президент Российской Федерации В. В. Путин, живут за чертой бедности [23].

Теоретические разработки П. А. Сорокина, наоборот, поспособствовали воссозданию в СССР социологии как научной дисциплины. Разработанные и апробированные русским мыслителем разнообразные методы исследования общественных процессов использовались советскими социологами и давали не официальную показную, а объективную картину социальности. Чаще всего

это были закрытые исследования, но они убедительно высвечивали расхождение должного и сущего, наблюдавшееся и все более набиравшее силу отчуждение чиновников государственных институтов от граждан и другие изъяны советского строя, активно нарастающие социальные противоречия, которые следовало оперативно, не доводя их до стадии антагонизма, разрешать. Правительство, наоборот, не считало нужным этим заниматься и, по сути дела, на формирующиеся противоречия не реагировало, расценивая их не более, как «пережитками прошлого».

Именно руководство ЦК КПСС с консультантами (Л. И. Брежнев называл их «наши демократы») довели страну до краха. Разочаровавшись в теоретических разработках отечественных обществоведов, М. С. Горбачев за консультациями обратился к своим западным «партнерам» из США и фактически поставил страну под внешнее управление с вытекающими для нее катастрофическими следствиями.

Таким образом, тип рефлексирования над социальностью, предложенный Н. А. Бердяевым (имеется в виду критика советской системы с целью ее расшатывания и ликвидации), был использован в СССР сполна. Тип же рефлексирования над социальностью, разработанный П. А. Сорокиным (выявление посредством теоретических и эмпирических методов исследования социума его противоречий и разработка конкретных путей их преодоления), оказался не реализованным.

Нынешняя взрывоопасная ситуация в мире убеждает нас в том, что даже конфликты религиозного плана не разрешить без устранения антагонизмов социального бытия. Поэтому был прав П. А. Сорокин, а не Н. А. Бердяев. Да и по способу, силе воздействия на мировоззрение человека теоретические разработки исследователей значительно разнятся. Н. А. Бердяев воздействует на чувства, П. А. Сорокин – на логику мышления. Методология постижения социальности, созданная П. А. Сорокиным, работает и в наши дни. А работают ли методы и подходы Н. А. Бердяева? Но если даже и работают, то каковы их результаты? В этом суть вопроса при оценке теоретического наследия мыслителя в контексте социальной практики.

В заключение отмечу следующее. Реконструкция типологии мышления крупных русских мыслителей – философа Н. А. Бердяева и социолога П. А. Сорокина – позволяет сделать вывод о том, что они оба осознавали неразумность наличного социального бытия дореволюционной России и по этой причине стремились выработать и предложить обществу более гуманные социальные проекты. Оба ратовали за гуманный, справедливый мир, но онтологическую основу нового мира понимали по-разному. Первый пришел к мысли о том, что в качестве такой основы может выступать абсолютно свободная личность. Второй, наоборот, не отрицая значимости личности, делал ставку на преобразование социального бытия. Именно поэтому он столь много внимания уделял

постижению его сущности. Если Н. А. Бердяев в большей степени руководствовался абстрактным, по терминологии Г. Гегеля, спекулятивным мышлением, то П. А. Сорокин, напротив, стремился выстраивать свой социальный проект на базе теоретического осмысления большого массива эмпирических фактов. Методами постижения социальности ученый овладел еще в юности. Его учителями были известные социологи М. М. Ковалевский и Е. Де-Роберти, правовед Л. И. Петражицкий. П. А. Сорокин критично подходил к реализуемым в XX в. моделям обустройства мира в виде социалистической и капиталистической систем, усматривая и в одном, и в другом социальных проектах серьезные изъяны. Но критика социальной практики двух полярных миров не сводилась лишь только к критике, к требованию уничтожения социализма и капитализма. Наоборот, анализируя современное социальное бытие Востока и Запада, мыслитель пытался отыскать в обоих проектах позитивные стороны и на их основе разработать более гуманный социальный проект, позволяющий преодолеть наличные социальные антагонизмы и социальное зло. В таком же ключе в поздний период своей научной деятельности пытался работать французский социолог Дж.-К. Гэлбрейт, обосновывая теорию конвергенции.

Н. А. Бердяев сознавался в том, что в его исследованиях нет системы. И это действительно так. П. А. Сорокин, наоборот, в своих многочисленных трудах стремился использовать системный подход и на его основе создать научную картину мира, предложил целый ряд идей и методов, которые и сейчас активно используются социологами в процессе постижения социальности.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Социальность как объект философского осмысления / Т. И. Адуло // Философские исследования : сб. науч. тр. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 29–49.
2. Адуло, Т. И. Трансформация социальности в Западной Европе в эпоху Нового времени и ее философская рефлексия / Т. И. Адуло // Философские исследования : сб. науч. тр. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 6. – С. 78–94.
3. Адуло, Т. И. Карл Маркс об отчуждении и путях общечеловеческой эмансипации / Т. И. Адуло // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 391–399.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев ; АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры. – Репринт. воспроизведение. – М. : Наука, 1990. – 220, [2] с.
5. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев // Судьба России. Самосознание / Н. А. Бердяев. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – С. 3–203.
6. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/69705-o-rabstve-i-svobode-cheloveka/> – Дата доступа: 08.01.2020.
7. Зиновьев, А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2007. – 512 с.
8. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
9. Огурцов, А. П. Рефлексия / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин (пред.), зам. пред.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 445–450.

10. Сорокин, П. А. Система социологии / Питирим Сорокин. – Пг. : Колос, 1920. – Т. 1 : Социальная аналитика. Ч. 1 : Учение о строении простейшего (родового) социального явления. – XIV, [1], 360 с.
11. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев // Дух и реальность / Н. А. Бердяев ; вступ. ст. и сост. В. Н. Калюжного. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – С. 23–156.
12. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Гносеологическое введение / Н. А. Бердяев // Судьба России. Самосознание / Н. А. Бердяев. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – С. 204–306.
13. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1–4.
14. Спиркин, А. Г. Истина / А. Г. Спиркин // Философский энциклопедический словарь. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – С. 226–227.
15. Спиркин, А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Гардарики, 2006. – 736 с.
16. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
17. Сорокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 618 с.
18. Сапов, В. В. «Магический кристалл» социологии / В. В. Сапов // Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – С. 3–18.
19. Сорокин, П. А. Письмо в редакцию (газеты «Крестьянские и Рабочие Думы») / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 1994. – С. 330.
20. Сорокин, П. А. Современное состояние России / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 1994. – С. 418–490.
21. Сорокин, П. А. Отправляясь в дорогу / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 1994. – С. 410–413.
22. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
23. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> – Дата доступа: 15.01.2020.